

М.Б. ПАНФЕРОВА
(Волгоград)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕНДЕНЦИИ
К ИЗМЕНЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ СЛОВА
В XVIII–XXI вв.
(на примере лексем «любовница»
и «любовник»)**

Исследованы отдельные лексико-семантические преобразования в системе русского языка XVIII–XXI вв. на примере лексем «любовник» и «любовница». Значения данных слов заметным образом видоизменились в обозначенный промежуток времени под действием тенденции к изменению семантической структуры слов. Анализ данных лексем в диахроническом аспекте позволяет судить не только о значительной трансформации лексико-семантической структуры данных слов, приведшей к кардинальному переосмыслению их значения, но и о возникновении прямо противоположной оценки рассмотренных лексем в глазах языкового сообщества.

Ключевые слова: лексико-семантическая система языка, семантические изменения слова, семантическая структура слова, изменение оценочности слова.

Лексический уровень в системе языка в значительно большей степени, чем другие, «пластичен», подвержен всевозможным изменениям и преобразованиям. Это объясняется тем, что именно лексика языка является «ответственной» за адекватное отображение современной действительности, за верную передачу картины мира целого этнокультурного сообщества. Словарный состав языка подвергается целому ряду разнообразных видоизменений, которые, впрочем, становятся явными и зримыми лишь по прошествии относительно значительного отрезка времени: сам процесс преобразования лексико-семантического уровня русского языка проходит плавно и на первый взгляд незаметно. Действуют определенные законы и тенденции, обеспечивающие постоянную динамику на данном уровне языка, – речь идет о векторах, определяющих характер лексико-семантических изменений. Например, тенденция к инновации (появлению новых слов) фиксирует стремление языка к постоянному пополнению своих лексических единиц, расширению существующей базы, а

тенденция к элиминации (утрате) слов, напротив – к ее сужению.

В нашей работе речь пойдет о тенденции, действие которой, на наш взгляд, наиболее наглядным образом демонстрирует способность языка видоизменяться в продолжение некоего хронологического периода. Это тенденция к изменению семантической структуры слова, описанная в работе Е.Б. Никифоровой и проанализированная там же в составе предложенной классификации [2]. Данная тенденция охватывает лексемы, которые по прошествии времени претерпели существенные изменения в своей семантической структуре и теперь, в современном языке, при формальном тождестве слова, обладают в большей или меньшей степени отличным значением.

Одним из примеров, характеризующих действие данной тенденции, является реализация лексем *любовник* и *любовница*, значения которых с конца XVIII в. и до нашего времени заметным образом видоизменились. Нами был проведен анализ преобразования лексико-семантической структуры данных лексем в обозначенном хронологическом разрезе. Сопоставление семантического состава слов разных лет проводилось при сравнении данных словарей XVIII, XIX, XX и XXI вв., а также при учете контекстуального окружения слов, явно свидетельствующего в отдельных случаях о факте изменения значения. Материалом для исследования послужили письма А.С. Пушкина (согласно словарю языка Пушкина, лексема *любовник* встречается в творческом наследии и частной переписке поэта 77 раз, а *любовница* – 40 раз); также мы обратились к текстам отдельных художественных произведений авторов конца XVIII – первой трети XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. лексема *любовник* могла реализовать целый ряд значений, имеющих отношение к довольно широкому кругу денотатов: «1. Любимец; 2. Влюбленный человек; возлюбленный; 3. Мн. Влюбленная пара» [7, с. 24], «4. Поклонник, восторженный почитатель; 5. Избранник, любимец» [9, с. 183]. В письмах А.С. Пушкина чаще встречается лексема *любовница*, которая, впрочем, коррелирует со всеми обозначенными выше значениями. Так, читаем: *Хмельницкой моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ую песнь Онегина* [4, т. 1, с. 127]. Выбор формы существительного женского рода здесь, как можно полагать, является умышленным – для придания высказыва-

нию ироничного оттенка, однако суть остается неизменной, как если бы автор употребил в том же предложении единицу мужского рода (*любовник*). Как видим, в начале XIX в. действительно было возможно называть *любовником* (*любовницей*) близкого друга, приятеля, вообще человека, вызывающего у субъекта чувство особой душевной привязанности, так называемого «любимца». Притом, в зависимости от контекста и стиля текста, *любовницей* могли быть названы лица мужского пола (*Хмельницкий*). Со временем лексема утрачивает семы 'предмет обожания', 'любимец', тем самым разрушая лексико-семантическую структуру до основания, и, начиная с середины XIX в., данный лексико-семантический вариант считается устаревшим (согласно данным словаря церковнославянского и русского языка 1847 г.), а позднее фактически перестает существовать (по данным словаря Ушакова 1935–1940 гг.).

Еще одним и, пожалуй, наиболее частотным и актуальным значением слова *любовница* во времена жизни и творчества Пушкина было 'возлюбленная'. Так определяют это слово все доступные нам словари XVIII и XIX вв.: приведенный выше словарь русского языка XVIII в. под ред. Ю. Сорокина; словарь Академии Российской 1792 г. (*любовник* – «имеющий страстную любовь к особе другого пола» [5, с. 1373]) и 1814 г. [6, с. 647]; словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. (*любовник* – «любящий особу другого пола и пользующийся взаимною ее любовью»; *любовница* – «любящая особу другого пола и пользующаяся взаимною ее любовью» [8, с. 274]); аналогичное значение приводится в словаре В. Даля 1865 г. [1, с. 882]. Подтверждение тому неоднократно встречаем в письмах А.С. Пушкина и его художественных произведениях. Ср.: *Отвечается: эти лица и не подозревают о публике; они решительно одни, как любовник с любовницей, как муж с женой, как Меркутио с Бенволио (нецеремонные друзья)* [4, т. 2, с. 126]; *Руслан нас должен занимать, Руслан, сей витьязь беспримерный, В душе герой, любовник верный* (Пушкин. Руслан и Людмила). Значение слова находит активную реализацию и у других авторов XVIII–XIX вв.: *Вот моя любовница: она моя невеста, и в сей же день она мне и жена будет* (А.П. Сумароков. Рогоносец по воображению); *И в вашей дикой стороне друг оплакивает друга, любовник – любовницу* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника); *Все было забыто: я опять любил в ней свою любовницу, невесту, жену...*

(О.И. Сенковский. Ученое путешествие на медвежий остров).

Как нам представляется, лексема *любовница* вербализовала представления о женщине как адресате нежного и трепетного отношения, прежде всего идеалистического порядка. Женщина, называемая *любовницей* в XIX в., являлась объектом самых возвышенных и светлых чувств, ее могли добиваться, восхвалять, идеализировать. Так, в письме Пушкина читаем: *А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные, что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом – вот так Шишков сделает всю обедню* [4, т. 1, с. 182]. Постепенно семы 'возлюбленная', 'объект воздыхания и обожания', входящие в семантическую структуру слова, получают факультативный характер, а ключевую роль начинает выполнять дифференциальная сема 'внебрачная связь', уточняющая статус взаимоотношений. Именно в таком аспекте лексема фиксируется в словарях XX в.: *любовница (неодобрит.)* – женщина, которая находится в половой связи с мужчиной, но не состоит с ним в браке» [12, с. 211]. В XXI в. это значение также является основным, равно в отношении мужского и женского пола: *любовник – разг. мужчина по отношению к женщине, находящейся с ним во внебрачной связи* [10, с. 509], *любовница – женщина, которая находится в связи с мужчиной, не состоя с ним в официальном браке* [11, с. 336]. При рассмотрении особенностей семантического преобразования лексем *любовник* и *любовница* обращает на себя внимание изменение оценочности в данных словах. Эти слова, воспринимаемые представителем XVIII–XIX вв. в положительном ракурсе, со временем приобретают отрицательную окраску. Если раньше структуры данных лексем содержали в себе коннотативные семы 'пылкий', 'искренний', 'чувство', 'душевная привязанность', то теперь «духовный аспект» уступает место материальному: с одной стороны, речь идет о подчеркнутом физическом характере отношений, с другой стороны, подразумевается некая незаконность таких отношений, осуждаемая обществом (недаром в статье словаря Ушакова приводится помета *неодобр.*). Поэтому в семантической структуре слова значительной становится роль дифференциальной семы 'вне брака' и таких коннотативных сем, как 'незаконность', 'неэтичность', 'безнравственность', формирующих отрицательную оценку данного значения.

Широкое подтверждение тому можно найти в художественных текстах XX–XXI вв., например: *Насте он ласковых слов не говорил, о своих чувствах не распространялся, но и не отталкивал любовницу, ходил с ней в кино и изредка приглашал к себе* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха); *Иметь любовницу, конечно, нехорошо, но ведь это не преступление* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); *«Заведу постоянную любовницу», – решил Иван, как будто речь шла о собаке* (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения).

Интересна дефиниция рассматриваемых лексем в словарной статье В. Даля: «любовник, любовница – влюбленные друг в друга, чета любящая или состоящая в супружеских отношениях» [1, с. 882]. Дифференциальная сема ‘в супружеских отношениях’, возможная в составе лексико-семантической структуры данных слов в XIX в., позднее нейтрализовалась, и ей на смену пришла противоположная по смыслу ‘вне официального брака’. Таким образом, в данном случае речь идет не только об изменении общественной оценки данной роли, но и о смене денотата: в современном мире мы вряд ли назовем любовницей примерную жену, хранительницу домашнего очага. Хотя внутренняя форма слова остается совершенно прозрачной, все же носитель современного русского языка, стоит полагать, выберет иные номинации для обозначения женщины, к которой испытывает любовные чувства (возлюбленная, избранница, любимая). *Любовницей* же в общественном сознании может считаться женщина не всегда порядочная, «разрушительница семьи». Поэтому в некоторых случаях можно говорить о доминировании прагматического компонента данного слова над денотативно-сигнификативным.

Впрочем, несмотря на то, что такой лексико-семантический вариант не отмечен в словарях XVIII–XIX вв., в текстах того времени все же можно найти употребление слов *любовник* и *любовница* в данном значении. Ср.: *Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц* (Пушкин. Дневники. Автобиографическая проза). Однако статистически такое употребление слов встречалось в пушкинскую эпоху гораздо реже и было неосновным. Так, Ю. Лотман писал, что пушкинская эпоха знает два употребления слов «любовник» и «любовница»: одно имеет значение «влюбленный в кого-нибудь, возлюбленный, любимый» [9, с. 521]; второе – «мужчина, с которым женщина находится во внебрачной связи» или, соответственно, женщина [Там же, с. 522–523].

«Количество употреблений в том или ином значении в творчестве Пушкина неодинаково: в первом “любовник” – 58, “любовница” – 30; во втором – соответственно 11 и 10. “Любовник” в значении “возлюбленный” был функциональным галлицизмом (amant, -e) и воспринимался как поэтизм, второе значение звучало прозаически» [3]. В наши дни ситуация изменилась: именно «прозаическое», по определению Ю. Лотмана, значение стало основным.

Итак, тенденция к изменению семантической структуры слова, под влиянием которой в XVIII–XXI вв. шло формирование многих лексем, оказала свое воздействие на оформление современных значений слов *любовник* и *любовница*. В настоящий момент мы можем судить не только о значительной трансформации лексико-семантической структуры данных слов, приведшей к кардинальному переосмыслению их значения, но и о возникновении прямо противоположной оценки данных лексем в глазах языкового сообщества.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
2. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008.
3. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995.
4. Пушкин А.С. Письма в 3 т. / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М. – Л., 1926–1935.
5. Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2005. Т. 3.
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, 1806–1814. СПб., 1806, ч. I; 1914, ч. III.
7. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–2011. Т. 12.
8. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репринт. изд. в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. Т. 2.
9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / под ред. В.В. Виноградова. М., 1956–1961. Т. 2.
10. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: ИТИ Технологии, 2006.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 2.

* * *

1. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., 1989. T. 2.
2. Nikiforova E.B. Semanticheskaja jevoljucija sistemy russkogo jazyka: tendencii, vektory, mehanizmy: monografija. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008.
3. Lotman Ju.M. Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij // Lotman Ju.M. Pushkin. SPb., 1995.
4. Pushkin A.S. Pis'ma v 3 t. / pod red. i s primech. B.L. Modzalevskogo. M. – L., 1926–1935.
5. Slovar' Akademii Rossijskoj 1789–1794. T. 1–6. M.: MGI im. E.R. Dashkovej, 2001–2005. T. 3.
6. Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj, 1806–1814. Spb., 1806, ch. I; 1914, ch. III.
7. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka / AN SSSR. In-t rus. jaz.; gl. red. Ju.S. Sorokin. L.: Nauka, 1984–2011. T. 12.
8. Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk. Reprint. izd. v 2 kn. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. T. 2.
9. Clovar' jazyka Pushkina: v 4 t. / pod red. V.V. Vinogradova. M., 1956–1961. T. 2.
10. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.A. Kuznecova. M.: Riderz Dajdzhest, 2004.
11. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.I. Ozhegova, N.Ju. Shvedovoj. M.: ITI Tehnologii, 2006.
12. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. prof. D.N. Ushakova. M., 1935–1940. T. 2.

Implementation of the tendency for change of the semantic structure of a word in the period of the XVIII–XXI centuries (by the example of the lexemes “lover” and “mistress”)

There are researched some lexical and semantic transformations in the system of the Russian language of the XVIII–XXI centuries by the example of the lexemes “lover” and “mistress”. The meanings of these words greatly changed in the mentioned period of time under the influence of the tendency for semantic word structure change. After the represented analysis in the diachronic aspect it is possible to find out not only the great transformation of the lexical and semantic structure of the words, but also the opposite evaluation of the lexemes in the linguistic society.

Key words: *lexical and semantic language system, semantic changes in a word, semantic structure of a word, changes in word evaluation.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2015)

Т.Г. НИКИТИНА

(Псков)

МОЛОДЕЖНЫЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Рассмотрены региональные сленгизмы разных типов и случаи их использования в русской речи иностранных студентов. Показаны возможности лингвокультурологического комментирования сленговых и официальных урбанонимов, подчеркивается необходимость корректирующей работы, направленной на активизацию в речи иностранцев литературных аналогов региональных сленгизмов.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, молодежный сленг, региональный сленгизм, урбаноним, диалектизм, псковские горы.*

«Трудности перевода» молодежной речи, еще чуть более десяти лет назад казавшиеся почти непреодолимыми [1, с. 234], снимаются в настоящее время благодаря широкой представленности сленговой эквивалентности в специальных двуязычных словарях [2; 4; 18; 20]. Обосновывая расширение словаря сленгового словаря за счет единиц городского просторечия, Х. Вальтер и В.М. Мокиенко подчеркивают, что в речи молодежи гораздо больше нестандартных слов, чем в молодежном сленге в узком смысле [1, с. 235; 10, с. 68–69].

Что касается иностранцев, то интерес к этому лексическому материалу проявляют не только переводчики, но и студенты, обучающиеся в российских вузах. Те из них, кто стремится интегрироваться в российскую молодежную среду, уже на этапе предвузовской подготовки, едва усвоив основы языковой системы и базовые речевые образцы, пытаются использовать частотные сленгизмы, интуитивно чувствуя их «парольную» функцию и «коммуникативную ценность» для молодежного социума. Прежде всего, это лексика учебной сферы (*универ* – ‘университет’, *препод* – ‘преподаватель’, *зач* – ‘зачет’, *экз* – ‘экзамен’, *рефер* – ‘реферат’, *упры* – ‘упражнения’, *за*

* Исследование выполнено в рамках проекта № 15-16-60001, а(р), 2015 г., поддержанного грантом РГНФ.